

"Я не могу поверить в это дерьмо!" - прорычал Кевин Хаас.

"И что это за "дерьмо"?" - ответила Дженис Маринеску, поворачивая свое плавающее кресло к нему. "Позволь мне перефразировать это. О каком "дерьме" мы говорим на этот раз?"

"Этом!" - Хаас ткнул разъяренным пальцем в дисплей перед ним. "Этот идиот Чартерис задает вопросы."

"Дерьмо." Лицо Маринеску выражало глубокое отвращение, но она не выглядела очень удивленной. "Я знала, что это будет проблемой. Насчет этой ведьмы, с самого начала, с тех пор, как я собрала ее и другие кровоточащие сердца, у меня от нее просто зубы сводит. Одна из тех праведниц, которые не хотят знать ни черта о людях, которые занимаются настоящей работой. Я не думаю, что есть какая-то причина, по которой он должен отличаться от нее. Фактически, именно поэтому я попросила тебя лично проследить за ним." Она покачала головой почти покорно. "Какие вопросы он задает?"

"Ну, чтобы быть справедливым, - кем я, черт возьми, не хочу быть, ты понимаешь, - похоже, он, по крайней мере, пытается быть осторожным. Но довольно ясно, что он не полностью купил ее ответ про МакКлинток." Маринеску подняла брови в выражении "скажи мне больше", и Хаас пожал плечами. "Наблюдательные бригады застукали его связывающимся с Кристиной МакБрайд." Маринеску нахмурилась, и он снова пожал плечами. "Это мать Захарии МакБрайда," - напомнил он ей.

"О, верно." Маринеску кивнула, когда имя встало на свое место. Это было индикатором того, насколько она устала, что ей понадобилось напоминание Хааса, но упорядоченные ментальные файлы послушно открылись, как только она восстановила связи, и она нахмурилась. "Что такого значительного в его контакте с ней? Они знакомы много лет. На самом деле, если я правильно помню, разве несколько недель назад он и его жена не обедали у МакБрайдов?"

"Почти правильно," - согласился Хаас. "Фактически, доктор МакБрайд пригласил своих родителей и Чартерисов на обед за неделю до того, как мы его забрали. Но вы правы, они давно знают друг друга, и, конечно же, Чартерис знает, что д-р Чартерис и д-р МакБрайд работали вместе. Нет никаких признаков того, что они когда-либо позволяли раскрыть свои легенды - Чартерис и родители МакБрайда явно все еще думают, что оба работали на Кепаган и Беллини. Но он знает, что они работали вместе, и он спрашивает его родителей, что они знают об этой конференции, в которой принимают участие Чартерис и МакБрайд."

"Проклятье."

Выражение Маринеску заставило бы скиснуть все молоко в Менделе. Было хорошо знать, что кто-то с такими наивными мозгами, как Лиза Чартерис, по крайней мере сумела сохранить остаточное понятие о безопасности. Честно говоря, Маринеску не поверила бы ей в этом, учитывая некоторые ее другие решения на протяжении многих лет. Но если Жюль Чартерис все еще верит в ее прикрытие, то Маринеску, вероятно, оказала ей плохую услугу ... в этом отношении, по крайней мере. Что не делает приступ любопытства Жюля Чартериса лучше.

Кепагэйн и Беллини был многопрофильным научным аналитическим центром и исследовательской организацией, которая тесно сотрудничала с правительством системы Меза. Она была такой огромной, что сотни исследователей могли легко исчезнуть бесследно из ее персональных файлов, и там скрывалось немало людей технических специальностей из внутренних слоев луковицы. Однако ни один человек из плоти и крови в Кепагэйн и Беллини

никогда не видел и не слышал об этих скрытых людях. Хакеры Согласия создали целое фиктивное подразделение более сорока Т-лет назад, и оно просто тихо убирая галочку устанавливало добросовестность лиц, теоретически занятых в нем. У него был бюджет, и, по общему признанию, несколько неясная ниша на корпоративной блок-схеме, и оно на самом деле каждый год генерировало несколько терабайтов более или менее бесполезной информации. У него даже действительно было несколько офисов в одной из более скромных промышленных башен на окраине Менделя.

Это, к сожалению, означало, что пересмотренный план Гудини должен был что-то сделать с этим зданием. Это было нужно, чтобы никто из исследователей не обнаружил, что ни один из людей, которые теоретически там работали, когда-либо был там. И, в то же время, исполнительные офисы Кепагэйн и Беллини должны были получить неприятный удар. Компьютерные записи хороши тем, что даже самые подозрительные следователи склонны воспринимать их как Евангелие, пока что-то - или кто-то - еще не внушит что-то ... проблематичное в их отношении. Поэтому необходимо было убрать человеческий управленческий персонал департамента, к которому номинально принадлежало фиктивно созданное подразделение Согласия прежде, чем кто-либо, кто ищет исчезнувших генетических суперменов, спросит их об этом.

К счастью, нужно было убить не больше, чем еще семь или восемь сот человек - максимум тысячу, по нынешней оценке Маринеску, - чтобы убрать всех, кто мог бы обратить внимание на фиктивное подразделение. Конечно, эти исполнительные офисы находились в Бидл-Тауэр в центре Мишера, и чтобы добраться до них нужна была ... действительно большая бомба. Вероятно, общая численность погибших будет ближе к шести или семи тысячам, к тому времени, когда обломки перестанут отскакивать.

"Какие вопросы он задает?" - спросила она через мгновение. "Их мы тоже будем убирать?"

"Я так не думаю. Во всяком случае, не сейчас." Хаас поморщился. "Как бы то ни было, он, похоже, согласен с тем, что здесь есть реальные проблемы с безопасностью. Он был очень осторожен, формулируя свои вопросы. Что-то типа "Слышно ли что-то от Зака?" Или "Парень, я не хотел бы, чтобы Зак и Лиза застряли там на острове! Зак знает, когда они вернуться?" Такого рода вопросы. И он не подходил к корпоративным офисам Кепагэйн и Беллини. Он, вероятно, полагает, что получит по рукам - и сильно - если кто-нибудь заметит, что он делает что-то такое глупое! Я бы сказал, что он может быть ... обеспокоен, и он, очевидно, копает это, но довольно ясно, что он не слишком волнуется, чтобы рискнуть взломать секретность этих вещей.

Пока, по крайней мере. До сих пор он был осторожен, чтобы не спрашивать прямо МакБрайдов - или кого-либо еще - точно о чем, например, должна быть эта конференция. Я склонен думать, что он и не будет, пока он считает, что он все еще разговаривает с ней. Это произойдет потом, что меня и беспокоит. Но, как я уже сказал, до сих пор он не спрашивал МакБрайдов ничего, что могло бы заставить их искать свои ответы."

«Ну, это во всяком случае что-то,» - прорычала Маринеску. Чем меньше дополнительных обязательных убийств ей нужно добавлять в список своих дел, тем лучше. Собрать всех их в надлежащие зоны убийств было королевской болью в заднице с точки зрения логистики. В конце концов, было достаточно много тех, кому они могли дать прямые приказы, и она и ее команда были заняты достаточно, не придумывая, как устранить целые дополнительные семьи только потому, что какой-то идиот не мог удержаться от болтовни! Они уже собрали значительный список явно необходимых, во любом случае, убийств, в том числе более шестисот - пока - тех, кто должен был быть убит персонально, просто потому, что не было

правдоподобного способа собрать их в одно из мест массового поражения. И это даже не считая менее важных членов внутренней луковицы, которых нужно было устранить, потому что не было достаточно времени или мест на корабле, чтобы эвакуировать их.

Неудивительно, что Хаас выглядел немного измотанным, подумала она, но он хороший человек. Спокойный подчиненный, который понимал реалии. Это было больше, чем она могла сказать про некоторых членов ее команды. То, что еще больше, чем она думала, персонала, изначально предназначавшегося для исполнения Гудини, было вне системы и недоступно, когда Руфино Чернышев сбросил эту суматоху на ее колени, означало, что ей пришлось взять слишком много оперативников, которые никогда не были полностью проинформированы о реалиях даже первоначальных планов Гудини.

Некоторые из них были менее чем увлечены, когда обнаружили, что собой представляет новый, пересмотренный Гудини. Фактически, ей пришлось сделать пятерых из них "ушедшими в отставку без права обжалования", как это любят показывать в по-настоящему плохих шпионских видео, за то, что они отказались выполнять свои приказы. И более дюжины других, которые не протестовали активно, были насильственно погружены на борт корабля и отправлены к Дарию под эскотом гаулов, чтобы их очевидные проблемы не угрожали операционной безопасности, которая была очень сложной задачей. Так, что она действительно предпочла бы просто уничтожить их и покончить с этим. Как она сказала Чернышеву, весь этот дурацкий беспорядок стал идеальным фильтром для выявления и отбрасывания индивидуумов, которые продемонстрировали отсутствие необходимой в ближайшие годы крепости кишечника. К сожалению, ее предложение было отвергнуто, потому что некоторые из слабаков считались слишком важными для удаления. Например, сама Лиза Чартерис.

Маринеску прорычала мысленное проклятие. Она знала, что Чартерис будет проблемой. Сам факт, что эта женщина была настолько глупа, что вышла замуж за кого-то, о ком она знала, что он никогда не входил в луковицу, уже должен был быть явным предупреждением. Она должна была быть освобождена от какой-либо ответственной позиции и спокойно ликвидирована в приятном, правдоподобном дорожно-транспортном происшествии или случайно утоплена много Т-лет назад, потому что любой ее старшинства, который был настолько глуп, чтобы оставить семью, которая будет думать, что с ней случилось, если она должна исчезнуть, был явно слишком безответственным, чтобы ему доверяли что-либо важное. И чертовски ясно, что она никогда не должна была быть допущена к должности, которая заставляла вытаскивать ее, а не просто убить. Но разве кто-нибудь спрашивал Маринеску об этом? Нет, конечно, нет! А теперь ее работа - ее и ее людей - разгребать этот мусор.

"Есть какие-то соображения из прослушивания Чартериса?" - спросила она через мгновение.

"На самом деле нет." Хаас раздраженно дернул одним плечом. "Нет никаких данных от жучков в его квартире или офисе, - или на его уни-линке, если на то пошло, - что у него есть какие-то подозрения, что изображение его жены сделано компьютером. И Донни говорит, что ее люди придумали правильные ответы на все его звонки ... пока, по крайней мере. Но на его месте я бы должен догадаться, что что-то не звучит для него "правильно". Ради Бога, Дженис! Они были женаты более пятидесяти Т-лет. Кто знает, что могло проскользнуть мимо нас и никогда не попало в банки данных с такой долгой общей историей?"

"Нам бы черт возьми, лучше знать, что!" - огрызнулась Маринеску.

Хотя она должна была признать, что он прав.

Донателла Приматиччио была ее старшим кибернетиком, обязанной - среди прочего - управлять коммуникационным интерфейсом таких людей, как Жюль Чартерис, когда они пытались связаться с кем-то, кто уже был отправлен. Каждый вызов принимался живым оператором - всегда одним и тем же для каждого эвакуированного человека - за маской созданного компьютером образа человека, с которым вызывающий думал, что говорит. Вооруженные полными досье на людей, которые они олицетворяли собой, - файлы, которые подробно описывали каждый момент их жизни, перекрестно индексировали имена каждого человека, который знал их, хотя бы удаленно, и включали самые блестящие алгоритмы соответствия, доступные для сопоставления и идентификации имен, мест, и даты - оперативники отвечали за убеждение, что эти люди были здесь прямо на Мезе, делая то, что они сказали всем, что они делали.

По большей части это было не так сложно. Большинство вызывающих уже "знали", где находятся люди, с которыми они думали, что разговаривали, и что они делают, и большинство разговоров были достаточно краткими и достаточно сосредоточены на относительно недавних событиях - так что ими было легко управлять. Кроме того, большинство критически настроенных людей из списка Гудини не были такими чертовски глупыми, как Лиза Чартерис. Люди, пытающиеся говорить с ними, были знакомыми - случайными любовниками, в худшем случае - и обмануть их было достаточно легко с "Хей, нам нужно собраться снова, как только эта конференция" - или семинар, торговая поездка или что-то там, черт возьми, было оправданием в этом конкретном случае - "закончится, и я возвращусь в Мендель."

Но для кого-то вроде Чартерис, с проклятой пятидесятилетней историей с человеком, пытающимся связаться с ней, было слишком много потенциальных колдобин. Даже досье, собранное безопасностью Согласия, не могло покрыть каждую деталь этих многих лет совместной жизни. И если Жюль Чартерис еще не был подозрителен, если у него был только какой-то неясный зуд, он не мог понять, что его царапает, было чертовски ясно, что он будет адски подозрительным, если его любимая жена так и не вернется. Даже если план команды Гудини по прикрытие ее исчезновения был совершенным, кто-то вроде него вполне мог бы начать задавать себе ... неудобные вопросы, если следователи откуда нибудь, например, из Мантикоры, начнут охоту за Согласием, конечные цели которого были отличающимися от того, что он всегда считал целями Согласия. Хуже того, их вопросы, вероятно, заставят его поделиться с ними своими вопросами, и это может быть чертовски много хуже, чем просто неудобно.

"Хорошо," - наконец вздохнула она. "Внесите его в список тех, кого нужно убрать, прежде чем мы уйдем и проследите за всеми, с кем он об этом говорит. Я наполовину склонна идти вперед и убрать их дочерей, на всякий случай. Но я думаю, мы, вероятно, подождем с этим, если вы не найдете что-то конкретное, чтобы предположить, что он разделяет любые подозрения, которые он мог бы иметь, с ними." Она раздраженно провела руку сквозь свои темные волосы. "Я думаю, что Чернышев слишком беспокоится о "жертвах, которых можно избежать," но нравится нам это или нет, сейчас он в кабинете Бардасано. И он поднимет жуткий визг, если мы пойдем вперед и прихлопнем их всех, не имея, по крайней мере, фигового листа, чтобы оправдать это."

"Он действительно так внимательно следит за списками убитых?" Голос Хааса звучал скептически и Маринеску фыркнула.

"Лично я считаю, что этот человек идиот - в его нынешнем положении, по крайней мере - как бы он ни был хорош в поле. И, честно говоря, у меня есть сомнения в его полевой репутации теперь, когда я имею невыразимое удовольствие от работы с ним. Но не делай ошибку, думая,

что он дурак. Я знала его брата Луку намного лучше, чем я знаю его, и могу сказать, что Лука не был дураком, и я не собираюсь считать его менее умным, чем Лука. Я думаю, что ему нужно делать много более важных вещей, чем смотреть из-за наших плеч и подталкивать наши локти, но если он решил, что он что-то делает, тогда он, вероятно, делает чертову работу тщательно."

"Ну. если ты так говоришь." Хаас все еще казался менее чем убежденным, но Маринеску не беспокоила об этом. Одно можно сказать о Кевине Хаасе, он понимает в исполнении приказов. "По крайней мере, это не должно быть слишком сложным, если Чартерис обеспокоен. Самое простое решение, возможно, чтобы "Лиза" пригласила его присоединиться к ней на конференции в Бейтсоне в башне Сарацин. Той, которую по списку должен уничтожить удар Баллрум."

"Мне подходит," - согласилась Маринеску. "После столь долгих лет совместной жизни самое меньшее, что мы можем сделать, это позволить им "умереть" вместе." Она тонко улыбнулась. "Кстати, говоря о Сарацине, как выглядит выполнение подготовки к Финальному Аккорду?"

"Довольно хорошо, пока. Займет немного больше времени, чем мы думали, доставка некоторого оборудования на место, но никакое опоздание еще не критично. Хотя к счастью, "Баллрум" не выполняет никаких активных операций в эту минуту. У нас слишком мало людей чтобы делать это и доставить все на место для Финального Аккорда."

"Ну, даже Баллрму нужно немного времени, чтобы перезагрузиться после убийственной резни," - цинично указала Маринеску. "А после того, как они были заняты в прошлом месяце, никого не должно удивить, что им нужно немного времени, чтобы организовать следующую волну атак. Кроме того, это даст больше времени для того, чтобы разошлись их манифесты и коммюнике."

"Правильно," - усмехнулся Хаас. "Знаешь, мне действительно нравилось составлять эти их коммюнике. Они так восхитительно ... Я не знаю ... Чрезмерны, я полагаю. И чертовы газетчики просто едят их!"

"То, что газетчики это делают," - еще более цинично сказала Маринеску. "это одна из вещей, за которое я люблю их. Дайте им правильное сырое мясо, и вы можете точно гарантировать, какими будут их заголовки."

"Да, и мы скормили им много такого," - согласился Хаас.

Он опять был прав, подумала Маринеску. "Террористы Баллрума" объявили о своей новой террористической кампании, потопив пассажирский лайнер Магеллан, преднамеренно архаичный океанский круизный лайнер Линии Неограниченных Путешествий. Командам Гудини удалось убить почти три тысячи пассажиров и членов экипажа в своем первом залпе, при этом были изъяты не менее семидесяти трех эвакуированных, а ни один репортер Мезы не удивился, когда ответственность за нападение взяла на себя Одюбон Баллрум. Они также не поставили под сомнение ответственность Баллрума за крушение шаттла Рыцарских Туров над Менделем. При этом команды Гудини стерли почти двадцать имен в их списке, а в августе еще было более дюжины инцидентов.

Общее количество смертей - реальных и симулированных - составляло более семи с половиной тысяч человек, и свидетельства того, что убийственные психопаты, которые совершили зверство в Пайн-Вэлли, вернулись, потрясли общественное мнение Мезы. Паника пришла кстати, подумала Маринеску, и уже были какие-то действительно неприятные инциденты очевидных мстительных атак против населения сессиз. Это было хорошо. Хаасовские

коммунике "Баллрума" были замечены и добавились к оправданию этих убийственных атак. Учитывая, как быстро им пришлось организовать все это, пересмотренный Гудини шел хорошо, но если дать общественному мнению несколько недель, чтобы ... помариноваться должным образом, это только сделало бы крещендо Финального Аккорда еще более эффективным.

Она скорее с нетерпением ждала своего главного выхода, хотя она предполагала, что кто-то вроде Чернышева выплечет все глаза, думая об этом. Она никогда не понимала такой мягкотелости, но ей и не нужно было это понимать, чтобы принять в расчет. И когда придет время действовать, тот факт, что мало кто мог иметь стойкость, чтобы понять, что было необходимо, будет лучшей долгосрочной защитой секретности Гудини. Большею частью галактики было бы трудно убедить себя, что кто-то убьет так много людей, как собирается убить Финальный Аккорд, чтобы скрыть исчезновение гораздо меньшего числа других людей. Даже если что-то просочится, наиболее вероятной реакцией было бы отвергнуть всю идею как продукт какого-то смертельно параноидального заговора наркомана.

К сожалению, они не могли позволить себе полагаться на это, поэтому ее работа заключалась в том, чтобы убедиться, что ничего не просочится.

"Хорошо," - сказала она более живо. "Я оставляю мистера Чартериса в твоих руках. И я рада услышать, что Финальный Аккорд идет по графику. Тем не менее, сделай мне свежий итог того, где мы находимся. Я бы хотела пройтись по нему и устранить любые проблемы с тобой, прежде чем мы закроем сегодня лавочку." Она поморщилась. "Я встречаюсь с Коллином и Чернышевым за ужином. Я не хочу, чтобы меня схватили со спущенными штанами, если у одного из них будут какие-то вопросы о том, где мы находимся."

"Понял." Хаас кивнул. "Будет в вашей папке к четырем."

"Хорошо. Это хорошо, Кевин," - сказала Маринеску и благодарно улыбнулась ему. Было важно напомнить ему, как высоко она его ценила.

В конце концов, хорошего помощника так трудно найти.

<http://tl.rulate.ru/book/10132/284820>